

З. Воскресенская

Секрет

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

МОИ ПЕРВЫЕ КНИЖКИ

Зоя Воскресенская

СЕКРЕТ

РАССКАЗЫ
о семье Ульяновых

РИСУНКИ
Ю. РАКУТИНА

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1984

В 4803010102—211 / М101(03)84 254—84

СЕКРЕТ

В конце февраля в доме Ульяновых на антресолях поселялся Секрет. Он был беспокойный: стучал молотком, тарахтел швейной машинкой, визжал, как пила, и похрипывал, как лобзик.

Стоило детям в столовой хоть на минуту остаться без родителей, Секрет соединял их головы и начинал таинственно шептать. С появлением мамы он исчезал, и дети садились по местам с самым равнодушным видом.

Аня, Саша, Володя и Оля дали друг другу слово не выдавать Секрет папе и маме. Но были ещё Маняша и Митя. На Маняшу можно положиться — ей всего два года, а Мите — шесть, и он никак не хочет согласиться с тем, что о Секрете не должна знать мама.

Вечером Митя не вытерпел, подошёл к маме и прошептал:

— Мамочка, а у нас есть Секрет. Хочешь, скажу?

— Нет, я и слушать не буду. Секрета выдавать нельзя, его надо беречь.

По вечерам мама не заходила к детям наверх, чтобы не столкнуться с Секретом. Она сидела в столовой, вязала и улыбалась. Когда Аня попросила разрешения оставить себе деньги, заработанные за уроки, мама не спросила, зачем они ей понадобились. Она даже не заметила, что швейная машинка переселилась из столовой в Анину комнату. Папа сидел у себя в кабинете и, заткнув уши, работал, чтобы не слышать, как Секрет стучит на весь дом.

За ужином родители не замечали ни золотистых стружек, запутавшихся в кудрях Володи, ни прядей цветных ниток на шее у Оли, ни перемазанного красками лица Мити. И папе почему-то в эти вечера не хотелось сыграть с Сашей в шахматы...

Только часы ни с чем не считались. Им не было дела ни до какого Секрета. Вечером они не забывали пробить девять раз и напомнить, что детям пора спать.

Приближалось шестое марта — день рождения мамы.

Накануне этого дня Секрету нужно было спуститься с антресолей вниз, и мама с папой ушли к знакомым.

Саша с Володей принялись натирать воском крашеные полы и чистить себе и сёстрам ботинки. И полы и ботинки засверкали как зеркальные. Аня и Оля крахмалили, наглаживали братьям рубашки и себе ленты. Митя наводил порядок в ящиках с игрушками. Только Маняша сидела в детской, и, чтобы ей не было скучно, Оля дала ей поиграть своим Секретом.

И когда всё было готово и до прихода родителей оставалось не больше часа, разразилась беда.

Оля с плачем прибежала к Ане:

— Смотри, что Маняша натворила. Где она только ножницы разыскала?

Аня ахнула, и сёстры побежали к братьям за помощью. Володя увидел заплаканное лицо Оли, вынул из кармана платок, вытер ей слёзы.

— Не плачь,— уговаривал он свою подружку.— Саша сейчас что-нибудь придумает.

Саша не умел огорчаться и нашёл выход даже сейчас, когда Секрет, казалось, был непоправимо искалечен.

Саша принялся рисовать. Аня подбирала нитки. Володя вдевал нитку в иголку. Оля вытерла глаза и взялась за работу. К возвращению родителей Олин Секрет стал ещё красивее.

Шестого марта Секрет заставил маму спать дольше

обычного, чтобы дети ушли в гимназию до того, как она проснётся.

Уроки в этот день тянулись необыкновенно долго. Зато когда они закончились и Саша с Володей встретились у женской гимназии с сёстрами, чтобы вместе идти домой, всем им показалось, что солнце светит совсем по-весеннему и улицы сверкают в праздничном инее, а Володя прислушался и нашёл, что галки сегодня поют, как скворцы.

В доме пахло праздником.

Мама, в своём лучшем платье, сидела с папой в столовой и ждала детей. Сверху доносился весёлый шум.

И вот они, шестеро детей, спускаются по лестнице и тремя парами входят в столовую. Впереди идут Маняша с Митей, за ними Оля с Володей и Аня с Сашей. У каждого за спиной свой Секрет, который они сейчас откроют маме.

Вошли в комнату, остановились. Шесть пар сверкающих глаз с восхищением смотрят на свою маму. Она сегодня такая красивая! Ей так идут синее платье с белым воротничком и волосы, белые, как кружево, над высоким лбом! Добрые губы улыбаются, и в карих глазах поблёскивают солнечные искры. Папа в парадном сюртуке стоит за стулом мамы, сияющий, торжественный.

Аня вышла вперёд.

— Дорогая наша мамочка,— говорит она звонким голосом.— Мы поздравляем тебя с днём рождения. Желаем, чтобы ты всегда была здорова, всегда счастлива, всегда улыбалась.

— Спасибо, дорогие мои, спасибо! — У мамы срывается голос, в глазах блестят слёзы.

— Маняша, иди,— шепчет Аня.

Маняша бежит к маме, подаёт на блюдечке крохотный колобок. Она сама его состряпала.

— Попробуй,— предлагает она маме и живо взбирается к ней на колени.

— Ах, как вкусно! — Мама откусила кусочек, а остальное Маняша запихала себе в рот.

Митя, выпятив нижнюю губу, несёт на ладонях конверт, разрисованный диковинными цветами и неведомыми зверюшками. Все самые яркие и весёлые краски и всё своё умение вложил Митя в рисунок. А как старательно выведены на листке четыре слова: «Дорогая мамочка. Поздравляю! Митя».

Мама прочитала вслух и передала письмо папе:

— Смотри, какое чýдное поздравление!

И папе очень понравился Митин подарок.

Оля положила маме на колени думочку. На зелёной подушке пестрели вышитые полевые цветы и в середине большой красный мак.

— Очень красивая подушка,— залюбовалась мама,— настоящий весенний луг.— Особенно понравился маме мак.— Тот лепесток словно ветром отвернуло, и мак совсем как живой.

У Оли отлегло от сердца: как раз под этим лепестком и была злосчастная дырка, вырезанная Маняшей.

Маняша взглянула на подушку и уткнулась с виноватым видом маме в грудь.

Володя вздохнул. Подушка затмила все подарки.

Он поставил на пол маленький светлый домик с круглым окошечком.

— Мамочка, этот скворечник я приделаю к вязу возле кухни. В нём поселятся скворцы и будут петь тебе песни. Они ведь скоро прилетят.

— Какая прелесть! — обрадовалась мама.— В детстве у меня перед окном был точно такой же скворечник. С тех

пор я очень люблю скворцов. Спасибо, Володюшка!

Оля обняла брата.

— Я говорила, что маме понравится, а ты ещё сомневался.

Подошла очередь Саши. Он развернул лист белой бумаги и вынул дощечку. Нет, это когда-то была дощечка, а лобзик и пилка в руках Саши превратили её в тонкое кружево из причудливо изогнутых веточек и листьев.

— Это дощечка для резки хлеба,— сразу поняла мама.— Как раз мне её и не хватало. Но она такая красивая, что, право, жалко на ней резать хлеб. Я буду её очень беречь.

Последней раскрыла свой Секрет Аня. Тёплая байковая кофточка, жёлтая, как цыплячий пух, была отделана коричневым воротником и манжетами. Материю Аня купила на свой первый трудовой заработок. Сама скроила и сшила.

Мама примерила кофточку и не захотела её снимать. Уж очень она ей понравилась.

Где-то хлопнула дверь. Папа засмеялся.

— Это господин Секрет убежал. Ему теперь нечего здесь делать.

И сразу стало шумно и ве-

село. Шестеро детей уселись за стол. Мария Александровна села у самовара, Илья Николаевич — на другом конце стола.

— А у меня тоже подарок — всем нам по случаю дня рождения нашей мамочки.

Папа вынул из конверта большую фотографию, на которой была снята вся семья.

Дети вспомнили, как в зимний вьюжный день папа водил их всех фотографироваться, и как долго их там усаживали и не велели дышать и моргать, и как Маняша испугалась, когда фотограф накрылся чёрной пелёнкой.

И вот перед ними готовая фотография.

— Как хорошо, что у нас есть мама! — сказал папа.— Она заботится о всех нас и очень нас любит. Скажем ей спасибо за это. Мы тоже крепко любим её.

СТАРОЕ КРЕСЛО

В папином кабинете стоит большое кожаное кресло. Оно всегда холодное и неуютное. Даже в жаркий день на него неприятно садиться. Поэтому и сидишь в нём в наказанье. Чуть шевельнёшься — кресло сердито скрипит, словно тоже осуждает тебя.

Митя сидит в кресле, слушает, как тикает будильник. Раньше мама заводила в нём музыку, чтобы можно было знать, когда пройдут положенные минуты наказанья, и, как только зазвучит песенка «Во поле берёзонька стояла», можно было соскочить с кресла и идти играть. А сегодня мама будильник не завела. Просто сказала, что Митя должен сидеть в кресле тридцать минут, подумать о своём проступке и выучить урок из арифметики.

А Мите думать не хочется.

Мите хочется в столовую, где братья и сёстры мастерят

сейчас ёлочные игрушки. Митя тоже мог бы оклеивать грецкие орехи золочёной бумажкой — фольгой, а вместо этого он сидит в чёрном кресле, и даже будильник ему не подскажет, когда можно сойти.

Сегодня на уроке арифметики учительница крутила на картонных часах жестяные стрелки и спрашивала, который час. Спросила и Митю. Он ответить не мог и получил двойку. А не ответил, потому что Красавка отелилась. Митя весь вечер провёл на кухне возле телёнка.

Телёнок смешной: не успел родиться, как уже старался встать, а длинные слабые ноги расползались у него в разные стороны. Митя пригибал ладонью голову телёнка к миске с тёплым молоком и совал ему палец в рот. Телёнок принимался сосать молоко с пальца, а язык у него шершавый, щекочется. Нос у телёнка розовый, с тёмным круглым пятном между ноздрями, глаза большие и пе-

чальные. Наверно, ему было плохо без своей мамы. И Красавка жалобно мычала в хлеву, звала к себе своего маленького.

Мария Александровна сказала, что дети будут кормить телёнка по очереди и нечего всем сидеть вокруг него. Он только что появился на свет, и ему надо хорошенько выспаться.

Все пошли учить уроки, а Митя украдкой пробрался на кухню и всё кормил телёнка. И сейчас ему не терпится посмотреть на новорождённого — научился ли он уже стоять на ногах? Но Митя должен сидеть в кресле и повторять урок из арифметики. А Мите не хочется.

Мама сказала, что сидеть в кресле он должен полчаса и что может сойти без четверти пять.

Полчаса — это тридцать минут. Когда это будет — без четверти пять?

Митя сидит и думает.

Вокруг циферблата точки и чёрточки. Митя знает — между двумя точками одна минута, а между чёрточками — пять минут. Большая стрелка постоит, постоит, словно прицеливается, а потом раз — и перепрыгивает с одной чёрточки на другую, а маленькая толстая, кажется, совсем заснула. Где же будет длинная минутная стрелка, когда наступит без четверти пять?

Скрипнула дверь, и в кабинет заглянула смешная мордочка Кота в большой шляпе с пером.

— Мяу!

— Володя, я знаю, что это ты. Пойди сюда, покажи мне, когда будет без четверти пять?

— Мяу, милый мальчик,— мяучит Володя,— если я подскажу тебе, ты никогда не выучишь урока из арифметики. Соображай сам. Мяу! Мяу! — И Кот в сапогах исчез.

Митя вздохнул. Успеют ли ему сделать маску зайчика? Он смотрит на часы, даже вспотел от напряжения, и кресло кажется ему горячим. Несколько раз он проверял себя, прежде чем убедился, в каком месте минутная стрелка подаст ему знак к свободе.

За стеной в столовой слышен громкий смех. Звонче всех смеётся Маняша... Мычит телёнок на кухне. Его, наверно, забыли покормить. А стрелки застыли на месте, и минутная стрелка совсем заленилась. Позвать маму? Сказать ей, что часы испортились?

Митя смахивает слёзы с глаз, они мешают следить за часами. Митя считает. Осталось сидеть семь минут. Это уж точно. С проверкой решал.

Опять мычит телёнок. Сможет ли он потерпеть ещё семь... нет, только пять минут?

Нигде так медленно не ползёт время, как в этом кресле. День пробежит — не заметишь, а в кресле каждая минута тянется, тянется, и конца ей нет.

Но вот долговязой стрелке осталось перепрыгнуть с точки на чёрточку. И тогда будет без четверти пять. Но стрелка замерла. Митя отвёл глаза в сторону — может быть, он её загипнотизировал?

— Митя, который час? — раздаётся голос мамы в дверях кабинета.

Стрелка испуганно вздрогнула и перескочила на чёрточку против цифры «9».

— Без четверти пять, мамочка. Полчаса прошли.

— Правильно,— сказала мама.— Ты подумал над своим уроком из арифметики?

— Нет, не успел,— смущённо признался Митя,— я всё время думал о том, когда можно будет встать с места.

— А который теперь час?

— Без тринадцати минут пять,— бойко ответил Митя, едва взглянув на часы.

— Ну, вот и отлично,— похвалила мама,— ты хорошо повторил урок из арифметики.

Из-за маминой спины выглядывали смешные маски: Кота в сапогах, Мишки Косолапого — это был Саша, Обезьянки — это, конечно, Оля, из-под синего колпачка-колокольчика звенел смех Маняши.

ЗИМНИМ ВЕЧЕРОМ

Аня и Саша сражаются в шахматы.

Папа работает у себя в кабинете. А мама с младшими детьми готовится к увлекательной поездке.

В гостиной над роялем горит настенная лампа, оставляя бóльшую часть комнаты в полумраке. Окна запушены изморозью. В печке весело потрескивают дрова. Володя бегает из столовой в гостиную и обратно и не знает, на что ему решиться. Ему очень хочется сыграть с Сашей партию в шахматы и трудно устоять против соблазна прокатиться на тройке.

— Ну ладно,— соглашается он на просьбы младших,— только, чур, я буду кучером.

Мама, Оля и Митя сдвинули вместе четыре стула — это сани. Впереди Маняшин высокий стул — козлы. Широ-

кое кресло с тремя зубцами на спинке отлично изображает тройку вороных.

Володя запрягает лошадей: накручивает верёвочки на зубцы кресла, подтягивает подпруги. Лошади застонали, им не терпится пуститься в путь. Кучер сердито покрикивает на них.

Мама с Маняшей усаживаются на заднее сиденье, Оля и Митя — на переднее. Оля закуталась в тёплый платок, Митя повязал башлык, Маняша натянула на голову капор.

Путь предстоит дальний. Мороз лютый.

Кучер затягивает кушак, надевает тёплые рукавицы и спрашивает густым басом:

— Далеко ли ехать, сударыня?

— Сегодня мы поедем в страну Добра и Радости,— отвечает Мария Александровна.— Знаете ли вы туда дорогу?

Володя задумался.

— Знать-то знаю, только путь туда нелёгкий.

— Да, — подтверждает

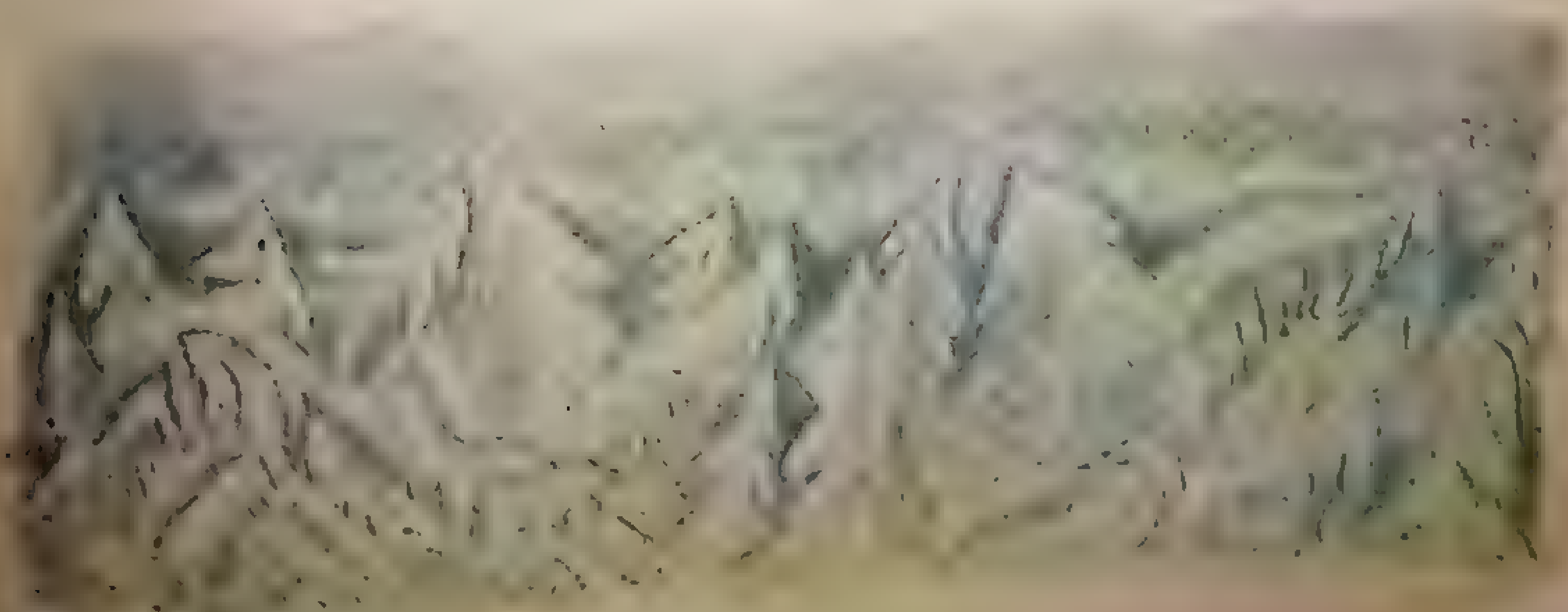
мама.— Опасная дорога туда. Мы встретим много препятствий и опасностей. Ну, в добрый час!

— Но, милые, но, вороные! — покрикивает кучер, размахивая кнутом.

— Закутайтесь получше, дети,— говорит мама,— поднимается ветер.

Оля натянула на самые глаза платок, Митя потуже завязал концы башлыка, и Маняша закрыла уши капором.

— Смотрите, какие мохнатые ели стоят по обе стороны, они закутались в снег, как в вату, чтобы не замёрзнуть. А на пригорке ель совсем розовая — это её закатное солнце освещает.— Мама показывает рукой на окно, зарисованное инеем.

И не тёмная застеклённая веранда, а зимняя сказка возникает перед глазами детей.

— Смотрите, смотрите,— кричит Оля,— солнце совсем стало красное, на него смотреть можно!

— Быть непогоде,— басит кучер и подстёгивает лошадей.

Маняша таращит большие чёрные глаза — где это мама и Оля увидели солнце?

— Смотри-ка, Маняша, из-под ёлочки выпрыгнул зайчик...— Мама показывает в сторону фикуса.

— Не вижу,— простодушно отвечает Маняша.

— Ну, как же не видишь? — удивляется Митя.— Он на задних лапках сидит, передними мордочку моет.

— Он какой — серый или белый?

— Белый как снег, а ушки у него розоватые,— фантазирует Оля.

— Теперь вижу,— покорно соглашается Маняша, поглядывая на фикус,— только ушки у него зелёные.

— Но, милые, но, вороные! — покрикивает кучер и оглядывается на седоков.— Сейчас через огненную реку переезжать будем, только отважные могут перебраться через неё. Трусливые пусть заранее выходят.

Дети смотрят на маму. Митя с дрожью в голосе признаётся:

— Мамочка, вчера няня меня куриным пером пугала. Такая страшная-престрашная тень ползла по стене, а я закрыл глаза и почти не испугался.

— Вот ты и стал смелее,— говорит мама,— сумеешь через огненную реку проехать.

Володя обернулся и, прищурив левый глаз, внимательно посмотрел на Олю.

— Может быть, барышне страшно, она не поедет дальше? Вон красный туман над рекой, сейчас мы ринемся в пламя.

— Я не страшусь,— гордо отвечает Оля.

Митя вобрал голову в плечи, закрыл лицо руками. Кучер погнал лошадей во весь опор, и вот уже вокруг ревёт пламя, спирает дыхание, огненные языки тянутся к лицу, рукам.

— Но, милые, не робейте, пошевеливайтесь! — Кучер разгоняет руками дым и пламя перед лицом, что есть силы стегает лошадей.— Ну, вот и перескочили огненную реку!

Все облегчённо вздыхают. Теперь Митя твёрдо знает, что ему нечего бояться тени какого-то куриного пера.

— Нам бы засветло проехать мимо башни Змея Горыныча,— беспокоится мама.— Он видит только ночью. У него один глаз и тот загорается, когда восходит луна.

— Кучер, миленький, мы проедем башню засветло? — спрашивает Оля.

— Приложим всё наше старание,— отвечает кучер и вдруг натягивает вожжи.— Тпру-у, тпру-у!

— Почему остановились? — беспокоятся седоки.

— Пристяжная распряглась. Вот подтяну хомут, почищу под дугой бубенчики, чтобы веселее звенели, и поедем дальше.— Володя подтянул верёвочки на крайнем зубце кресла. Вновь взобрался на козлы, погоняет лошадей.

— Вон сорока на сучке сидит, нас в гости приглашает,— подмечает Митя.

— Лисица её под деревом караулит, ишь, плутовка, как хвостом машет,— добавляет Оля,— ласково так машет, но ты, сорока, ей не верь...

— Я вижу, белочка на дерево карабкается,— придумывает уже и Маняша,— карабкается, как наша Оля.

— Живей, вороные, живей! Овса, что ли, не ели? Держитесь крепче, господа хорошие, сейчас под горку понесёмся! — кричит кучер.

Седоки схватились за передок саней, ветер в лицо бросает пригоршни снега, слепит глаза, но вот лошади вынесли сани в поле, побежали рысцой.

— Солнце скрылось, зажглись звёзды...— Оля зачарованно смотрит в потолок.

— Видите большой ковш наверху, что это? — спрашивает мама.

— Большая Медведица,— хором отвечают Оля, Митя и Володя.

— Я не хочу медведицу, я хочу медвежонка,— хнычет Маняша.

— А вот и медвежонок,— прыгает от радости Оля,— вылезает из берлоги, протирает глаза, слышите, как ревёт?

— Слышу,— дрожащим голосом шепчет Маняша и прижимается покрепче к маме.

— А что это за огоньки мелькают? — спрашивает Оля, поглядывая в переднюю, где на крашеном полу пляшут отсветы огня от печки.

— Это светятся папины школы,— отвечает мама.

— А что это за зарево над лесом?

— Это горят зубцы на башне Змея Горыныча.— Мама прижимает к себе Маняшу.

Оля вскрикивает кувырком слетает со стула и проворно отползает в темный угол комнаты.

— Кучер, остановите лошадей, девочка из саней выпала. — Мама тормошит за плечи Володю.

Он с трудом сдерживает разгорячённых лошадей, спрыгивает с козел, привязывает вожжи к воображаемому дереву и, приставив ладонь козырьком над глазами, пробирается сквозь метель разыскивать девочку.

И вдруг раздаётся протяжный, страшный вой.

— Это наш Володя воет! — Маняша захлопала в ладоши.

— Нет, это волки, — догадался Митя. Он закусил зубами палец и отчаянными глазами следил за кучером.— Оля лежит под ёлкой, волки идут прямо на неё,— чуть не плачет он.

Кучер с трудом пробирается через густой кустарник, сугробы под ногами всё глубже и глубже... Даже маленькая Маняша начинает беспокоиться и поторапливать его.

Наконец кучер разыскал девочку: она уже замерзала в снегу.

Он поднял её, обнял за плечи, тащит к саням, оттирает ей снегом руки, а волки вокруг воют всё громче.

— Волки...— стонет Оля.— Чуть не съели меня. Голод-

ные, худые, зубами лязгают, глаза зелёным огнём горят.

— Один... два... три...— считает Митя.— Сейчас я их убью.— Он вскидывает ружьё на плечо, прицеливается.— Бах! — кричит он.— Один упал, задрыгал ногами. Бах! Второй под горку кубарем покатился.

— Бах! — не выдерживает кучер.— Третьего, матёрого, я убил.

— Володя, ты же кучер. У тебя нет ружья,— напоминает Оля.

— В такую дальнюю дорогу он может взять с собой ружьё,— возражает мама.— У нас очень хороший кучер, смелый и добрый. Видите, как он умело правит лошадьми. Удастся ли ему проскочить башню Змея Горыныча? А там недалеко и до цели.

— А какая она, страна Добра и Радости? Мамочка, расскажи! — просят дети.

— В этой стране живут сильные, красивые люди. Они не знают, что такое ложь, трусость, лень. Им неведомы болезни, войны, голод.

Кучер опустил вожжи, повернулся и блестящими глазами смотрит на маму, подперев руками голову.

— Мамочка, а почему эти люди не могут сделать счастливыми всех?

— Вот когда будет побеждён Змей Горыныч, тогда люди этой страны подарят счастье всем.

— Володя,— с упрёком говорит Оля,— ты всё время забываешь, что ты кучер. Гони лошадей, не то попадём в лапы к Змею Горынычу.

— Н-но, голубчики, н-но, милые! — покрикивает Володя, прищёлкивая языком.— Сударыня,— вдруг поворачивается он к Марии Александровне.— Дальше пути нет. Слышите, как храпят кони? Поднялся буран, ни зги не видно.

— Может, повернуть обратно? — спрашивает мама, обращаясь к детям.

— Нет, нет! — кричат Оля, Митя и Маняша.

— Обратно пути нет, — басит кучер, — все дороги за нами замело. — Он приподнялся на козлах, вглядывается в даль. — Сюда бредёт Змей Горыныч, — фантазирует Володя, глядя на рояль, — у него три ноги, в пасти несметное число белых и чёрных зубов и огромный огненный глаз. Он бредёт и лижет землю, и позади него мёртвый след тянется. Мужчины, выходите из саней, встретимся с врагом...

Из саней выпрыгнул Митя. Володя разочарованно посмотрел на него.

— Оля, ты тоже будешь мужчиной, — сказал он сестре.

За Олей потянулась Маняша.

— А вы — женщина, сидите с мамой, мы вас будем защищать.

На крышке рояля трепетало отражение от лампы. Но это был уже не рояль, это был Змей Горыныч о трёх ногах, и в его раскрытой пасти сверкали белые и чёрные зубы.

— Вперёд! Оля, поражай его в пасть, я отрублю ему заднюю лапу. Митя, берегись его передних лап. Ого-го-го!

Володя, Оля и Митя с победным кличем ринулись навстречу врагу.

Маняша прыгала в санях, ей тоже хотелось вступить в бой.

Шум сражения оторвал Сашу и Аню от шахмат. Даже папа не мог усидеть в кабинете. Он занял позицию за фикусом, заряжал бумажную пушку.

— Р-рраз! Р-рраз! — поражал врага Володя. Внезапно руки его рванулись к толстой ножке рояля — это его схватил Змей. Володя извивался, отчаянно отбивался ногами,

старался высвободить руки из лап чудовища. Саша подполз под рояль и наносил Змею удары в брюхо.

Оля положила пальцы на клавиши и закричала:

— Змей Горыныч укусил меня за руку! Я тяжело ранена.

Аня отвела раненую к саням, а сама кинулась помогать товарищам. Но Оле скучно было сидеть раненой в санях, и она снова вступила в бой, воюя левой рукой.

Бу-ум! — раздалось из-за фикуса — папа выстрелил бумажной хлопушкой. О, это был меткий удар!

— Папа выбил Змею глаз. Ура-а-а! Ура-а-а! — кричал Митя.

— Молодец наш папочка! — похвалил нового бойца Володя.

Саша помог кучеру высвободить руки, и они вместе отрубили Змею Горынычу лапу. Маняша соскользнула со стула, побежала добивать Змея.

Мама села за рояль.

...Вот он, Змей Горыныч, надвигается, огнедышащий, страшный...

Против него идут смелые, сильные люди. Мамины пальцы быстро бегают по клавишам. Удар! Змей ослеплён... Он в ярости, но люди стали зорче, решительнее. Удача прибавляет им силы.

Удар! Ещё удар! Змей стонет... ухает... корчится... подыхает...

Сильные аккорды на басовых клавишах.

— Совсем подох...— смеётся Володя, вылезая из-под рояля.— Путь в страну Добра и Радости открыт!

Папа опустил за шнур лампу-молнию и зажёг её. В гостиной стало светло и празднично. Змей Горыныч исчез.

Усталые бойцы садятся вокруг мамы и слушают её песенку. Мария Александровна поёт:

Может быть, тебя, мой милый,
Ждут печали и нужда,
Спи, дитя, сбирайся с силой
Для борьбы и для труда...

15 коп.

«ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

В серии «Мои первые книжки» для детей дошкольного возраста в 1984 году издаются:

Барто А. — ТВОЙ ПРАЗДНИК

Бианки В. — РЫБИЙ ДОМ

Маршак С. — УСАТЫЙ-ПОЛОСАТЫЙ

Носов Н. — ЖИВАЯ ШЛЯПА

Паустовский К. — СТАЛЬНОЕ КОЛЕЧКО

Пушкин А. — СКАЗКА О РЫБАКЕ И РЫБКЕ

Чуковский К. — МУХА-ЦОКОТУХА.

Для дошкольного возраста

Зоя Ивановна Воскресенская

СЕКРЕТ

Рассказы о семье Ульяновых

ИБ № 7325

Ответственный редактор **Н. М. Мартынова**
Художественный редактор **М. Д. Суховцева**
Технические редакторы **И. В. Золотарёва** и **Т. Д. Юрханова**
Корректор **О. И. Иванова**

Сдано в набор 12.05.83. Подписано к печати 01.02.84. Формат 70×90¹/₁₆. Бум. офсетная № 1. Шрифт рубленый. Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,34. Усл. кр.-отт. 9,95. Уч.-изд. л. 1,67. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 2216. Цена 15 коп. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190